

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ

УДК 316.454.5;316.454.7

В. В. Василькова, М. Г. Слюсарева

СЕТЕВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА¹

В современной социологии анализ сетевых взаимодействий становится одним из ведущих направлений. О масштабности и значимости этой тематики свидетельствует тот факт, что развиваются не только исследования самого этого феномена (различных его форм и уровней), но и происходит переосмысление целых тематических пластов социологического знания, которым придается новая интерпретация, соответствующая новому социальному видению. Так, в фокусе внимания исследователей оказывается анализ влияния сетевого взаимодействия на формирование и поддержку групповой и социальной солидарности, на осуществление (или трансформацию) функций социальных институтов, на процесс наращивания объема социального капитала группы или индивида, на понимание онтологической сущности социальных акторов и т. д.

Целью нашей статьи является попытка интерпретировать с позиций сетевого подхода процесс формирования смысловой структуры жизненного мира. Причем речь пойдет не только об эмпирической верификации идей А. Шютца (о чем, кстати, он мечтал, описывая перспективы изучения процесса структурирования социального мира), но и об описании новых онтологических характеристик социального взаимодействия, осуществляемых в современном сетевом обществе.

Для характеристики сетевых механизмов социального взаимодействия, попадающих в зону интерпретации теории А. Шютца, нами будет использоваться вторичный анализ результатов эмпирических исследований сетевых взаимодействий, представленных в статьях авторов одного из ведущих тематических журналов данного профиля — журнала «Social Networks» за последние годы.

Василькова Валерия Валентиновна — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: v-vasilkova@list.ru

Слюсарева Маргарита Георгиевна — аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: mslyusareva@gmail.com

¹ Данная статья подготовлена в рамках проекта «Сетевые структуры науки: создание знания в интеллектуальном ландшафте», грант СПбГУ, мероприятие 2 «Фундаментальные исследования» (0.38.171.2011).

© В. В. Василькова, М. Г. Слюсарева, 2013

Под жизненным миром А. Шютц понимал способ освоения индивидом символических структур социального мира. При этом его трактовка в теоретико-методологическом плане объединяет гуссерлевское видение жизненного мира как сферы непосредственно переживаемого (дорефлексивного) опыта и веберовское понимание социального действия, имеющего для индивида субъективно подразумеваемый смысл. Реальный жизненный мир предстает как система взаимных социальных отношений, строящихся посредством взаимных субъективных интерпретаций участвующих в них акторов [1, с. 110].

При этом структура переживаемого социального мира имеет «фундаментальную конституцию», в которой Шютц выделяет несколько уровней («секторов») в зависимости от степени непосредственного переживания «моего спутника». Ядром социального мира является область, которая характеризуется непосредственным переживанием мной других, когда осуществляется коммуникация «лицом-к-лицу». Мой спутник разделяет со мной общий сектор времени и пространства; «процессы моего сознания являются для него элементами этого мира точно так же, как и процессы его сознания — для меня» [1, с. 116]. Именно в этой области конституируется социальное отношение, формируется чистое «мы-отношение».

Следующий уровень — это мир современников, которые разделяют со мной общее время, но не пространство. Взаимодействие обретает различные формы опосредования, что ведет к снижению многообразия симптомов, с помощью которых я понимаю Другого и Другой, в свою очередь, понимает меня. Текущее непосредственное переживание становится прошлым непосредственным переживанием. Конкретные «мы-отношения» уступают место социальным отношениям современников, в которых совместные действия не «переплетаются», а всего лишь становятся «взаимно ориентированными».

Причем, как отмечает А. Шютц, сам мир современников содержит различные страты, которые отличаются в зависимости от уровня анонимности и удаленности от непосредственного переживания Другого (он выделяет восемь таких страт). Объединение и освоение этих удаленных страт в жизненном мире человека осуществляется при помощи *типизации* — выработки общих обобщенных схем интерпретаций для определенной области социальной действительности, которая переживается непосредственно. Целостность социального мира обеспечивается тем, что в рамках «мы-отношений» существует как бы незримая договоренность о том, что «взаимно приписанные типизирующие схемы (и соответствующие ожидания) будут использоваться партнерами одинаковым образом» [1, с. 152].

Смысловое структурирование мира по Шютцу также имеет и другое измерение. Речь идет об одном из наиболее плодотворных для современной социологии концептов Шютца — концепте множественности реальности, в основе которой лежит идея У. Джемса о многообразии миров опыта. Каждый из жизненных миров опыта обладает «конечными областями значений» — совокупностью данных нашего опыта, которые не противоречат друг другу, являются совместимыми и объединены «общим когнитивным стилем». Когнитивный стиль формирует («конституирует») тот или иной мир опыта и характеризуется такими параметрами, как особая форма активности сознания, преобладающая форма деятельности, специфическая форма личностной вовлеченности, особенная форма социальности, своеобразие переживания времени. Различные сферы реальности могут быть названы конечными об-

ластями значений потому, что переход из одной в другую человек воспринимает как переживание качественного скачка, перелома.

Еще одним важнейшим принципом структурирования социального мира является его двойственный, амбивалентный характер. С одной стороны, социокультурный мир предзадан, его интерпретации объективны в том смысле, что определяются кем-то другим; с другой стороны, жизненный мир конструируется, переинтерпретируется в ходе порождения собственных субъективных смыслов.

Действительно, мир, в котором человек рождается, структурирован, разбит на однородные группы, которые могут быть классифицированы через основные виды деятельности, фиксирующие реализацию различных потребностей с помощью «функций социального корпуса». Именно на их основе формируются «мы-группы», в которых фиксируются «хорошие и правильные» способы обращения с вещами и людьми, то есть доминирующие схемы интерпретаций. Принадлежность к разным «мы-группам» создает, по выражению Шютца, «сеть типизаций», которую по праву социального наследования обретает индивид. Жизненный мир в этом контексте воспринимается в координатах типизированных социальных отношений и ролей (родители, братья, друзья, солдаты, священники и т. д.).

Однако реальная свобода и способность к самореализации индивида связана по Шютцу с механизмом *самотипизации*, что находит свое проявление в формировании так называемых добровольных групп (в отличие от групп экзистенциальных, которые человек должен учитывать и к которым он должен приспособливаться). Человек может добровольно выбирать супругу, друзей, партнеров, профессию, может менять национальность или религию. Он может или добровольно стать членом существующих групп, или создать новые, определить свою роль в них или постараться достичь желаемого для себя статуса [1, с. 287]. Главное отличие в данном случае заключается в том, что индивид не переживает ситуацию как готовую, он конструирует собственные схемы интерпретаций, собственную сеть типизаций посредством совместного определения общей ситуации: система типизаций находится в процессе динамической эволюции, а индивид постоянно переопределяет свою индивидуальную жизненную ситуацию.

Описывая механизмы конструирования своего жизненного мира индивидом, Шютц опирается на идеи Г. Зиммеля, в соответствии с которыми индивид находится на пересечении нескольких «социальных кругов» и количество их тем больше, чем более дифференцирована личность индивида. Группы по Зиммелю формируются, когда многие индивиды объединяют «части своих личностей» — специфические импульсы, интересы, силы, причем в зависимости от конструкции таких объединений человек переживает определенное состояние униженности или значимости. Исходя из этого, А. Шютц заключает, что «с субъективной точки зрения индивид смотрит на себя не как на человека, имеющего право исполнять социальную роль, а как на человека, вовлеченного в разнообразные социальные отношения и отношения группового членства, в каждом из которых он участвует частью своей личности» [1, с. 309].

Само это определение созвучно пониманию социальных сетей в современной социологии, под которыми подразумеваются сети социальных взаимодействий, состоящие из совокупности социальных акторов и набора связей между ними. Под связями понимаются не только коммуникационные взаимодействия между ак-

торами, но и связи по обмену различными ресурсами и деятельностью, включая обмен смыслами.

Жизненный мир в сетевом измерении предстает, на наш взгляд, как динамичный процесс конструирования индивидом совокупности социальных сетей разного уровня, предстающими «мы-группами», типизирующими различные формы жизненного опыта. Смена жизненного опыта сопровождается сменой или трансформацией сетей, в которых вырабатываются свои, релевантные ситуации схемы интерпретаций.

В данном контексте мы рассмотрим различные типы сетей, которые отличаются по интенсивности взаимодействия (личные и партнерские сети, клики, круги и т. д.), а также проанализируем динамику сетевых конфигураций, которая может рассматриваться как механизм смыслового конструирования новых «мы-групп» и новых схем интерпретаций в рамках жизненного мира индивида.

Ядром жизненного мира выступают сильные связи сети (сила связей представляет собой комбинацию продолжительности, эмоциональной интенсивности, близости, или взаимного доверия, и реципрокных услуг, которые характеризуют данную связь [2, с. 34]). Сильные связи, по мнению М. Гранноветтера, чаще возникают между индивидами, похожими друг на друга в различных аспектах. Многие исследователи подчеркивают, что нормы (как совместно обусловленные схемы интерпретаций) формируются именно в сетях межличностного взаимодействия. В частности, формальная сетевая теория социального влияния, используемая Н. Фриедкином, утверждает, что представление о том, что правильно или уместно в конкретной ситуации, возникает из процесса межличностного влияния, в ходе которого уменьшается неуверенность и конфликтность путем выработки общего отношения. Инструментом контроля над соблюдением норм выступают сильные социальные связи [3, р. 167].

При этом в рамках сетевого подхода выделяют типы сетей, которые различаются по интенсивности взаимодействия (в том числе непосредственного и опосредованного), что коррелирует с разными сферами социального мира по Шютцу. В частности, акторы могут образовывать так называемые *клики*. Под кликами принято понимать группу акторов, которые объединены посредством интенсивных взаимных связей, они характеризуются высокой интенсивностью внутренних обменов [4]. В ходе качественного исследования, проведенного Э. Беллоти, были выявлены несколько повторяющихся моделей структур сетей, причем чаще всего встречались клики, которые характеризуются материальной и нематериальной поддержкой [5, р. 324]. Также часто встречается такая структура как *компания*, которая представляет собой группу индивидов, с которыми индивид общается ежедневно, причем индивидуальные связи имеют меньше значения, чем сама группа. Компания воспринимается как цельная сущность, но в ней могут возникать временные подгруппы, основанные на общих интересах. Компании иногда формируют набор ритуалов, маркирующих принадлежность к семье (совместные встречи, отмечание праздников и т. д.). В литературе встречается также описание такой формы социальных сетей как *круги*. М. Грозетти понимает под ними коллективных акторов, таких как организации или семья, которые с течением времени становятся чем-то большим, чем сети. Круги характеризуются коллективным сознанием, названием, границами и общей культурой. Многие отношения именно в них имеют свои корни, поскольку

круги задают отношения близости [6, p. 290]. К. Бидарт и Д. Лавеню предположили, что социальная сеть индивида может быть использована для описания объема социальных кругов, к которым он имеет доступ, и которые ограничивают его «социальную поверхность». Этот промежуточный уровень социальных сетей предлагает способ прочтения процессов социализации и социальной интеграции. Таким образом устанавливается связь между динамиками личных сетей и методами социализации [7, p. 370].

Изменение типа сетей в соответствии с трансформацией жизненных миров опыта может быть верифицировано большим количеством эмпирических исследований, в первую очередь, исследованиями *личных и партнерских сетей* (супружеских сетей, сетей дружбы и т. д.).

В частности, лонгитюдные исследования, проводимые с 1980-х гг., показали, что существует негативная связь между длительностью брака и размером сети друзей, а именно число друзей уменьшается по мере усиления связи между партнерами, а контакты с ними становятся все более редкими [8, p. 233]. Также было показано, что с течением времени сети друзей супругов перекрываются, то есть индивидам начинают нравиться друзья их партнеров, и они чаще начинают считать их своими друзьями. Увеличение в пересечении числа контактов партнеров означает, что индивиды чаще контактируют с друзьями своих партнеров и меньше взаимодействуют со своими собственными друзьями наедине, без присутствия партнера.

Другое лонгитюдное исследование, проведенное К. Бидартом и Д. Лавеню, было посвящено трансформации сетей молодых людей в ситуации изменения их жизненного опыта, «на переломе» их жизненного пути. Было показано, что при завершении школы, представляющей собой структурированный и гомогенный мир, индивид теряет значительное число контекстуальных связей, которые могут быть частично приравнены к слабым связям, типичным для форм общительности молодых людей [7, p. 373]. Переход к трудовой деятельности способствует изменению коммуникаций в сторону большей селективности, в которой преобладает однородность, то есть индивид предпочитает поддерживать интенсивные связи с людьми, похожими на него самого. Число акторов в сети уменьшается, как и в случае с окончанием школы, но в первом случае уменьшается процент исчезающих слабых связей. Однако для наиболее благополучных молодых людей работа позволяет улучшить социальную жизнь, то есть увеличить социальную сеть. Такие же последствия вступления в трудовой период жизни наблюдаются среди тех, кто с головой погружается в свою профессию. Таким образом, исходные социальные условия и предыдущие стадии ведут к различным результатам и последствиям в событиях в жизни индивида.

Динамика дружеских сетей на различных этапах формирования жизненного мира может быть проиллюстрирована исследованиями М. Калмиджна. В частности, им было показано, что наиболее заметно сеть друзей уменьшается в тот период жизни индивида, когда он начинает встречаться и жить вместе с партнером. В последующие периоды уменьшения дружеской сети не наблюдается. Чем старше становятся люди, тем меньше у них друзей и тем меньше времени они уделяют взаимодействию с ними. Также в рамках исследования, проведенного в Нидерландах, было выявлено усиление пересечения сетей, причем процент общих друзей и общих контактов увеличивается в ходе жизни индивида. Данные изменения характеризуются значительным ступенчатым увеличением после того как люди начинают жить вместе с партне-

ром и последующим продолжающимся увеличением по мере старения индивидов. Последующие стадии жизни индивида не способствуют изменению, но переезд на новое место приводит к последующему увеличению в пересечении.

И наконец, еще одним важнейшим и, на наш взгляд, чрезвычайно перспективным направлением сетевого измерения жизненного мира является анализ *динамики сетевых конфигураций*, который может рассматриваться как механизм смыслового конструирования новых «мы-групп».

В рамках сетевого подхода вопрос о динамике сетей стал популярен среди западных социологов в середине 2000-х годов. Хотя большинство социологов полагают, что социальные сети динамичны по своей природе [9, р. 44], число исследований, посвященных этой проблеме, по мнению Т. Сиджера, не так велико [10, р. 2].

Однако, на наш взгляд, существуют направления сетевых исследований, которые позволяют описать механизмы конструирования сетей за счет привлечения новых для социального актора ресурсов или смысловых значений (схем интерпретаций по Шютцу).

Прежде всего речь идет о различных поведенческих стратегиях в выстраивании сети и соответствующих им типах акторов. Выделяют три основных типа акторов: звезды, связные, пограничники. Самым сильным положением обладают так называемые звезды сети, то есть акторы, обладающие наибольшим количеством связей в сети. Они способны активно влиять на жизнь сети, чаще всего контролируют других акторов и организуют их деятельность, коммуникацию, паттерны понимания нормы. Связными являются те акторы, которые обладают уникальными связями в разных, не пересекающихся сетях. Их связи представляют собой связи-мосты, которые позволяют двум или нескольким сетям обмениваться ресурсами различной природы. Пограничниками являются те акторы, которые находятся на периферии сети, имеют небольшое число связей и не стремятся увеличивать их.

В работах Р. С. Берта особое внимание уделяется роли так называемых сетевых посредников и тех связях, которые бы не существовали, если бы не было посредника (они являются мостами через структурные пустоты в сети). Берт показал, что люди, которые активно строят взаимоотношения между непохожими индивидами, получают много ценных ресурсов (например, быстрое продвижение по службе), потому что они видят и контролируют перспективные и более ценные возможности. Данная роль позволяет стремительно наращивать социальный капитал. Структурные пустоты создают конкурентное преимущество для индивида, чьи связи перекрывают пустоты [11, р. 334]. Само наличие структурных пустот дает возможность для посредников налаживать потоки информации между индивидами и контролировать проекты, которые объединяют людей из разных частей сети [12, р. 225].

В контексте нашего анализа интерес представляют также исследования *сетей развития*. Такие сети включают в себя коллег, друзей, семью и других акторов, которые способствуют развитию карьеры индивида [13, р. 40]. Иначе говоря, сети развития состоят из межличностных связей, предоставляющих различное количество и типы поддержки в области развития. Дж. Каммингс и М. Хиггинс предложили использовать следующую структуру для описания такого вида сетей: в сети существует два подвида ядер, одно из которых — внутреннее — состоит из связей, предоставляющих поддержку в течение долгого периода времени, в то время как внешнее ядро состоит из связей, предоставляющих поддержку только в определенные моменты.

Связи внутреннего ядра меньше подвержены исчезновению или ослаблению, а связи внешнего ядра могут оставаться неактивными до тех пор, пока они не становятся нужны, но в ситуации активизации эти связи могут стать гораздо более важными и значимыми для индивида.

Также существуют исследования, фиксирующие связи между паттернами взаимодействия индивида с другими и тем, как индивид обычно воспринимается другими индивидами [14, р. 324]. У. Картер и С. Фелд показали, что индивиды, которые воспринимаются позитивно, имеют большие личные сети, по сравнению с теми, кого воспринимают негативно. Сети позитивно воспринимаемых характеризуются большей плотностью (больше людей ищут контактов с такими индивидами). Индивиды, оцениваемые другими негативно, имеют маленькую и неплотную личную сеть. Они оказываются в невыгодном положении во многих аспектах.

Заметим, что из этих и других подобных исследований можно сделать важный вывод практического характера: понимание механизмов конструирования сетевого взаимодействия позволяет индивиду более продуктивно формировать структуру своего жизненного мира, а следовательно, быть более релевантным современному миру.

Литература

1. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов. Пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; науч. ред. перевода Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
2. Гранноваттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31–50.
3. Friedkin N. E. Norm formation in social influence networks // *Social Networks*. 2001. Vol. 23, N 2. P. 167–189.
4. Ennett S., Bauman K. Adolescent social networks: friendship cliques, social isolates, and drug use risk. URL: http://www.tanglewood.net/projects/teachertraining/book_of_readings/ennett.pdf (дата обращения: 18.10.2012).
5. Bellotti E. What are friends for? Elective communities of single people // *Social Networks*. 2008. Vol. 30, N 3. P. 318–329.
6. Grossetti M. Where do social relations come from? A study of personal networks in the Toulouse area of France // *Social Networks*. 2005. Vol. 27, N 4. P. 289–300.
7. Bidart C., Lavenu D. Evolutions of personal networks and life events // *Social Networks*. 2005. Vol. 27, N 3. P. 359–376.
8. Kalmijn M. Shared friendship networks and the life course: an analysis of survey data on married and cohabiting couples // *Social Networks*. 2003. Vol. 25, N 3. P. 231–249.
9. Snijders T., van de Bunt G., Steglich C. Introduction to stochastic actor-based models for network dynamics // *Social Networks*. 2010. Vol. 32, N 1. P. 44–60.
10. Snijders T. Introduction to the special issue on network dynamics // *Social Networks*. 2010. Vol. 32, N 1. P. 1–3.
11. Burt R. S. Bridge decay // *Social Networks*. 2002. Vol. 24, N 3. P. 333–363.
12. Walker G., Kogut B., Shan W. Social Capital, Structural Holes and the Formation of an Industry Network // *Knowledge and Social Capital*. London: Butterworth-Heinemann, 2000. P. 109–125.
13. Cummings J. N., Higgins M. C. Relational instability at the network core: Support dynamics in developmental networks // *Social Networks*. 2006. Vol. 28, N 1. P. 38–55.
14. Carter W. C., Feld S. L. Principles relating social regard to size and density of personal networks, with applications to stigma // *Social Networks*. 2004. Vol. 26, N 3. P. 323–329.

Статья поступила в редакцию 11 июня 2013 г.